

Ф. М. Мочов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ

Т о м I

Эдуард Вениаминович Лимонов
Алексей Колобродов
Олег Владимирович Демидов
Захар Прилепин
Полное собрание
стихотворений и поэм. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67719542

*Полное собрание стихотворений и поэм. Том 1: Путь; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-00116-761-7*

Аннотация

Эдуард Вениаминович Лимонов известен как прозаик, социальный философ, политик. Но начинал Лимонов как поэт. Именно так он представлял себя в самом знаменитом своём романе «Это я, Эдичка»: «Я – русский поэт».

О поэзии Лимонова оставили самые высокие отзывы такие специалисты, как Александр Жолковский и Иосиф Бродский. Поэтический голос Лимонова уникален, а вклад в историю национальной и мировой словесности еще будет осмысливаться.

Вернувшийся к сочинению стихов в последние два десятилетия своей жизни, Лимонов оставил огромное

поэтическое наследие. До сих пор даже не предпринимались попытки собрать и классифицировать его.

Данный том открывает первое уникальное собрание поэзии Лимонова. Помимо прижизненных книг здесь собраны неподцензурные самиздатовские сборники, стихотворения из отдельных рукописей и машинописей, прочие плоды архивных разысканий, начатых еще при жизни Лимонова и законченных только сейчас.

Более двухсот образцов малой и крупной поэтической формы будет опубликовано в составе данного собрания впервые. Читателю предстоит уникальная возможность уже после ухода автора ознакомиться с неизвестными сочинениями безусловного классика.

Собрание сопровождается полновесными культурологическими комментариями.

Публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

От составителей	12
«Русское»: из сборника «Кропоткин и другие стихотворения»	16
«В совершенно пустом саду...»	16
«Жара и лето... едут в гости...»	17
Магазин	19
Портрет	21
«Криком рот растворен старый...»	22
«Память – безрукая статуя конная...»	24
Элегия № 69	25
Кухарка	26
«От меня на вольный ветер...»	28
Кропоткин	29
«В губернии номер пятнадцать...»	30
«Этот день невероятный...»	32
Каждому своё	34
«Здоров ли ты мой друг...»	35
Пётр I	36
Свидание	38
Книжищи	40
Сирены	43
«Баба старая кожа дряхла одежда неопрятная...»	45

«Я в мясном магазине служил...»	47
«В один и тот же день двенадцатого декабря...»	49
Записка	50
Послание	51
Кухня	53
Из сборника «Некоторые стихотворения»	54
«Фердинанда сплошь любили...»	54
«На горелке стоял чайник Филлипова...»	55
«Всё было всё теребилось рукою...»	56
«Красивый брат кирпичный дом...»	57
«И всегда на большом пространстве...»	59
«Грамофон играет у Петровых...»	60
«Когда бренчат часы в тёплой комнате Зои...»	62
Евгения	64
«Вот идёт дорожкой сада...»	66
«Тихо и славно сажу...»	67
«Уж третий час...»	68
«Был вот и друг у меня...»	70
«Во двор свои цветы...»	71
«Где же поэт быстроглазый...»	72
«Письмо я пишу своей матери...»	73
«За кухонным столом занимаясь...»	74
«Добытое трудом конечно хорошо...»	75
«Папочка ручку мне подарил...»	76
«Был я и молодой и здоровый. Да уж нет...»	77

Из сборника «Некоторые стихотворения»	78
«Тихо-тихо этим летом я проснулся...»	78
«Птицы – ковровые тени безумных желаний...»	79
«Чёрные мысли летели к далёкому краю...»	80
«К вам однажды на изобретении...»	82
Театр	83
Натюрморт	84
«Возникли домашние туфли...»	85
«Ветер ходит возле Юрика...»	87
«Склонный к радостному крику...»	89
«Это не белый цветик...»	90
«Мне сегодня день бы надо песней опеть...»	91
«При комнате растёт цветок...»	93
«Это не я сижу и пишу босиком...»	94
Череп	95
«В садах тюльпанных и бананных...»	97
«О как любил как плескал я в ладони...»	99
«Сегодня детский мир...»	100
«Наступает свет на тьму...»	101
Равнина	102
«В саду они встречались по...»	103
Конструкция	104
«Спокойно еду поездом мерным в время иное...»	105
«Как шумит узловатое море...»	106

«В ответ глазам твоим...»	108
«Солнечный день. Беломрамор...»	109
«Родился и рос Бенедиктов...»	110
«О Вы кто некогда бывал...»	111
Стул	112
«Дали туманные груди тревожные...»	113
«На металлическом подносе...»	114
«О любовник охваченный некоторым жаром...»	115
«Без возврата и воды текут и хозяева блекнут...»	116
«Смещение...»	117
«Я люблю темноокого Васю...»	119
«Я люблю тот шиповник молодой...»	120
«Школьница шепчет в корыте...»	121
«Иван Сергеич опыт этих дней...»	122
«В уменьшенном виде...»	125
«Оставлены дети без присмотра...»	126
«Когда мне бывало пятнадцать семнадцать...»	128
«Последние лета огарки...»	130
«Лифтёрша Клевретова...»	131
«Роза в семье родилась у евреев...»	132
Не включённое в сборник	134
Убийство	134
«Мы в году пятидесятом...»	135
«Основные поэмы»	137

Максимов
Конец ознакомительного фрагмента.

137

149

**Эдуард Лимонов
Полное собрание
стихотворений
и поэм. Том 1**

«Лимонов очень быстро нашёл свой голос, сочетавший маскарадную костюмность (к которой буквально толкало юного уроженца Салтовки его парикмахерское имя) с по-толстовски жестокой деконструкцией условностей, с восхищённой учебой у великого манипулятора лирическими и языковыми точками зрения Хлебникова и с естественным у принимающего себя всерьёз поэта нарциссизмом (демонстративным у Бальмонта, Северянина и ран него Маяковского, праведным у Цветаевой, спрятанным в пейзаж у Пастернака).

<...>

Поэзии Лимонова знатоки отдадут должное охотнее, чем прозе; возможно, потому, что стихи дальше от шокирующей “жизни”, по классу же не уступают его лучшим прозаическим страницам.

<...>

Скоро их начнут со страшной силой изучать, комментировать, диссертировать, учить к уроку и сдавать на экзаменах, и для них наступит последнее испытание – проверка на хрестоматийность.

*Александр Жолковский,
российский и американский лингвист,
литературовед, писатель*

От составителей

Данный четырёхтомник является единственным и наиболее полным на сегодняшний момент собранием поэтического творчества Эдуарда Лимонова.

Здесь объединены все его одиннадцать опубликованных поэтических книг:

- «Русское» (1979);
- «Мой отрицательный герой» (1995);
- «Ноль часов» (2006);
- «Мальчик, беги!» (2008);
- «А старый пират...» (2010);
- «К Фифи» (2011);
- «Атилло длиннозубое» (2012);
- «СССР – наш древний Рим» (2014);
- «Золушка беременная» (2015);
- «Девочка с жёлтой мухой» (2016);
- «Поваренная книга насекомых» (2019).

(Мы не упоминаем книгу «Стихотворения», изданную в 2003 году в издательстве «Ультра. Культура», так как она является компиляцией сборников «Русское», «Мой отрицательный герой», «Ноль часов» и нескольких стихотворных текстов, входивших в мемуарно-публицистическую книгу «Анатомия героя».)

Кроме того, в данном собрании опубликовано пять поэм

(«Максимов», «Птицы Ловы», «Любовь и смерть Семандритика», «Три длинные песни», «Авто портрет с Еленой») и около семисот ранее не издававшихся в России стихотворений Лимонова, в основном написанных им в доэмигрантский период.

Важно отметить, что в наименование данного собрания составители вынесли классическое для русской традиции жанровое определение «стихотворения и поэмы», хотя с начала 1970-х годов Эдуард Лимонов начинает давать жанровое определение «тексты» отдельным своим сочинениям, находящимся на грани поэзии и ритмической прозы. Например, подзаголовок «Текст» имеет одно из его центральных сочинений доэмигрантского периода, именуемое «Русское» (1971 год; не путать с одноимённым сборником стихов, вышедшим спустя восемь лет).

«Мы – национальный герой» (1974) носит авторский подзаголовок «Текст с комментариями» (в одной из своих статей Лимонов называл его «поэма-текст»). По внешним признакам «Мы – национальный герой» не является поэтическим сочинением – но в строгом смысле и к художественной прозе его тоже не отнесёшь. Можно определить эту вещь как авторский манифест, также балансирующий на грани ритмической прозы и белого стиха.

Стилистически родственно ему и другое, ранее не входившее в книги Лимонова, оригинальное сочинение – «К положению в Нью-Йорке» (1976), также опубликованное в этом

издании.

Отдельно стоит сказать о своде стихотворений и текстов 1968–1969 годов, опубликованных в этом четырёхтомнике под названием «Девять тетрадей». Девять тетрадей лимоновских черновиков, о существовании которых он давно не помнил и сам, были обнаружены в 2011 году в архиве Вагрича Бахчаняна и любезно переданы нам вдовой художника. Тетради включают в себя не только стихотворения Лимонова (большинство из которых никогда не публиковалось), но и дневниковые записи, размышления о поэзии, короткие эссе, прозаические тексты. При подготовке этого издания было решено публиковать «Девять тетрадей» в том виде, в котором они и были написаны. Мы посчитали неразумным извлечь оттуда стихи и оставить малую прозу «на потом». В первую очередь по той причине, что и стихотворные, и прозаические произведения, собранные в «Девяти тетрадях», имеют, что называется, общую органику и зачастую перекликаются даже на сюжетном уровне.

Кроме того, мы собрали разрозненные тексты, стихотворения, опубликованные в периодике и мелькавшие в прозе, а также последний сборник стихотворений, публикующийся после смерти поэта.

Все тексты публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации, грамматического и речевого строя стихотворений.

Общий свод собранных здесь произведений позволит на-

конец осознать, что в случае Лимонова мы имеем дело не только с большим русским писателем, оригинальным мыслителем и непримиримым оппозиционером – но и с поэтом.

Если угодно, так: великим русским поэтом.

Захар Прилепин,

Алексей Колобродов,

Олег Демидов

**«Русское»: из сборника
«Кропоткин и другие
стихотворения»
(1967–1968)**

«В совершенно пустом саду...»

В совершенно пустом саду
собирается кто-то есть
собирается кушать старик
из бумажки какое-то кушанье

Половина его жива
(старика половина жива)
а другая совсем мертва
и старик приступает есть

Он засовывает в полость рта
перемальвает десной
что-то вроде бы творога
нечто будто бы творожок

«Жара и лето... едут в гости...»

Жара и лето... едут в гости
Антон и дядя мой Иван
А с ними еду я
В сплошь разлинованном халате

Жара и лето... едут в гости
Антон и дядя мой Иван
А с ними направляюсь я
Заснув почти что от жары

И снится мне что едут в гости
Какой-то Павел и какое-то Ребро
А с ними их племянник Краска
Да ещё жёлтая собака

Встречают в поле три могилы
Подходят близко и читают:
«Антон здесь похоронен – рядом
Иван с племянником лежат»

Они читают и уходят
И всю дорогу говорят...
Но дальше дальше снится мне
Что едут в гости снова трое
Один названьем Епифан

Другой же называется Егором
Захвачен и племянник Барбарис

От скуки едя местность изучают
И видят шесть могил шесть небольших
Подходят и читают осторожно:
«Антон лежит. Иван лежит
Ивановый племянник
Какой-то Павел и какое-то Ребро
А рядом их племянник Краска...»

И едут дальше дальше дальше...

Магазин

– Мне три метра лент отмерьте
По три метра рыжей красной

– Этой?

Этой

– Вж-жик. Три метра...

– Получите... получите...

– Мне пожалуйста игрушку

– Вон – павлин с хвостом широким

Самый самый разноцветный

– Этот?

– Нет другой – левее...

– Вот... Как раз мне подойдёт...

– Мне три литра керосина

В бак который вам протягиваю

– Нету керосина?! Как так?!

Ну давайте мне бензин

– Нет бензина?! Вы измучились?!

Шёпот: – Да она измучилась

посмотри какая ху́дая

руки тонкие и жёлтые

– Но лицо её красивое

- Да красивое но тощее
- Но глаза её прекрасны просто!

- Да глаза её действительно!..

Портрет

На врага голубого в лисьей шапке
В огромных глазах и плечах
Ходит каждый день старушка
Подходя к портрету внука
«Внук мой – ты изображение
Я люблю тебя как старость
Как не любят помиравших
Я люблю тебя как жалость
Внук в тебя плюю всегда я
О мертвец – мой внук свирепый
Ты лежащий меня тянешь
Поглядом своих очей...»
Так старушка рассуждает
И всегда она воюет
Бьёт портрет руками в щёки
Или палкой бьёт по лбу

Только как-то утомилась
И упала под портретом
И как сердце в ней остановилось
Внук смеясь глядел с портрета
Он сказал «Ну вот и ваша милость!»

«Криком рот растворен старый...»

– Криком рот растворен старый
Что – чиновник – умираешь?

Умираю умираю
Служащий спокойный
И бумаги призываю
До себя поближе

– Что чиновник вспоминаешь
Кверху носом острым лёжа?
(Смерть точила нос напильником
Ей такой нос очень нравится)

Вспоминаю я безбрежные
Девятнадцатого августа
Все поля с травой пахучею
С травой слишком разнообразною

Так же этого же августа
Девятнадцатого но к концу
Вспоминаю как ходила
Нахмурённая река
И погибельно бурлила
Отрешённая вода

Я сидел тогда с какой-то
Неизвестной мне душой
Ели мы колбасы с хлебом
Помидоры. Молоко
Ой как это дорого!

– Умираешь умираешь
Драгоценный в важном чине
Вспоминаешь вспоминаешь
О реке и о речной морщине

«Память – безрукая статуя конная...»

Память – безрукая статуя конная
Резво ты скачешь но не обладатель ты рук
Громко кричишь в пустой коридор сегодня
Такая прекрасная мелькаешь в конце коридора

Вечер был и чай ароматно клубились
Деревья пара старинные выросли из чашек
Каждый молча любовался своей жизнью
И девушка в жёлтом любовалась сильнее всех

Но затем... умирает отец усатый
Заключается в рамку чёрная его голова
Появляется гроб... появляются слуги у смерти
Обмывают отца... одевают отца в сапоги

Чёрный мелкий звонок... это память в конце коридора
Милый милый конный безрукий скач
Едет с ложкой малышка к столовой
Кушать варенье варенье варенье

Элегия № 69

Я обедал супом... солнце колыхалось
Я обедал летом... летом потогонным
Кончил я обедать... кончил я обедать
Осень сразу стала... сразу же началась

Дбжди засвистели... Темень загустела
Птицы стали улетать...
Звери стали засыпать...
Ноги подмерзать...

Сидя в трёх рубашках и одном пальто
Пусто вспоминаю как я пообедал
Как я суп покушал ещё в жарком лете
Огнемилом лете... цветолицем лете...

Кухарка

Кухарка любит развлечения
Так например под воскресенья
Она на кухне наведёт порядок
И в комнату свою уйдёт на свой порядок

Она в обрезаек зеркала заколет
Свою очень предлинную косу
Тремя её железками заколет
Потом ещё пятью

А прыщик на губе она замажет
И пудрою растительной затрёт
В глаза немного вазелину пустит
Наденет длинно платье и уйдёт

Но с лестницы вернётся платье снимет
Наденет длинно платье поновой
И тупая своими башмаками
Пойдёт с собою в качестве гостей

Она с собою придёт к другой кухарке
Где дворник и садовник за столом
Где несколько количеств светлой водки
И старый царскосельский граммофон

«А-ха-ха-ха» она смеётся холкой
«У-хи-хи-хи» другая ей в ответ
А дворник и садовник улыбнутся
И хлопают руками по ногам

Сидящие все встанут закрутятся
И юбки будут биться о штаны
О праздник у садовника в меху
И праздник у дворника в руках!

«От меня на вольный ветер...»

От меня на вольный ветер
Отлетают письма
Письма мои – подолгу
Заживёте или нет?

Кто вас скажет кто промолвит
Вместо собственных писем
Или слабая старуха
Гражданин ли тощий эН

Кропоткин

По улице идёт Кропоткин
Кропоткин шагом дробным
Кропоткин в облака стреляет
Из чёрно-дымного пистёля

Кропоткина же любит дама
Так километров за пятнадцать
Она живёт в стенах суровых
С ней муж дитя и попугай

Дитя любимое смешное
И попугай её противник
И муж рассеянный мужчина
В самом себе не до себя

По улице ещё идёт Кропоткин
Но прекратил стрелять в облаки
Он пистолет свой продувает
Из рта горячим направленьем

Кропоткина же любит дама
И попугай её противник
Он целый день кричит из клетки
Кропоткин – пиф! Кропоткин – паф!

«В губернии номер пятнадцать...»

В губернии номер пятнадцать
Большое создание жило
Жило оно значит в аптеке
Аптекарь его поливал

И не было в общем растеньем
Имело и рот и три пальца
Жило оно в светлой банке
Лежало оно на полу

В губернии номер пятнадцать
Как утро так выли заводы
Как осень так дождь кислил
Аптекарь вставал зевая
Вливал созданию воду до края
И в банке кусая губы
Создание это шлёпало

Так тянется год... и проходит
Ещё один год... и проходит
Создание с бантиком красным
Аптекаря ждёт неустанно

Каждое зябкое утро
Втягиваясь в халат

Аптекарь ему прислужит

Потом идёт досыпать

«Этот день невероятный...»

Этот день невероятный
Был дождём покрыт
Кирпичи в садах размокли
Красностенных дбмов

В окружении деревьев жили в дбмах
Люди молодые старые и дети:

В угол целый день глядела Катя
Бегать бегала кричала
Волосы все растрепала – Оля

Книгу тайную читал
С чердака глядя украдкой мрачной – Фёдор

Восхитительно любила
Что-то новое в природе – Анна
(Что-то новое в природе
То ли луч пустого солнца
То ли глубь пустого леса
Или новый вид цветка)

Дождь стучал одноритмичный
В зеркало теперь глядела – Оля
Кушал чай с китайской булкой – Фёдор

Засыпая улетала – Катя

В дождь печально выходила – Анна

Каждому своё

В месте Дэ на острове Зэт
Растёт купоросовая пальма
В месте Цэ на перешейке Ка
Произрастает хининное растение

В парикмахерской города эН
Стрижен гражданин Перукаров
И гражданке Перманентовой
Делают хитрые волосы

Брадобрей Милоглазов
Глядит в окно недоверчиво
Примус греет бритву
И воспевает печаль
Холодная щека плачет в мыле
Милоглазов делает оскорблённые глаза

Военный часовой убивает командира
Командир падает
Недобрым сердцем вспоминая мать

«Здоров ли ты мой друг...»

– Здоров ли ты мой друг?
Да ты здоров ли друг мой?
Случайно я тебя встречаю
Здоров ли друг мой. Что ты бледен?

– А я здоров и ты напрасно
Меня в болезни обвиняешь
Здоров ли ты в своей компании
Тужурки табака и волоса?
Здоров ли в компании многих лет твоих
Не смущают ли твои воспоминания
Вишня на которой ты признайся
Хотел висеть
Да не смог сметь
Не смущает ли
Висел почти ведь?

– Я здоров мой друг
Я здоров
Что мне вишня
Ничто мне эта вишня...

Пётр I

Брёвна
Светлый день
Сидит Пётр Первый
Узкие его усы
Ругает ртом моряка
Поднимается – бьёт моряка в лицо
Важный моряк падает
Подходит конь
Пётр сел на коня
Пётр поехал
Пыль
Пётр едет по траве
Вдоль дороги поле
На поле девушка
Пётр сходит с коня
Идёт Пётр к девушке
Хватает Пётр девушку
Девушка плачет но уступает Петру
Они лежат на соломе
Пётр встает и уходит
Девушка плачет. Она некрасива
У неё нарост на щеке мясной
Пётр на коне скрылся из её вида
Ключья моря бьют о берег
Тьма всё сильнее

Тьма совсем. Тёмно-синяя тьма
Ярко выражен тёмно-синий цвет

Свидание

Вера приходит с жалким лицом с жалким лицом
Приходит в помещение из внешнего мира внешнего мира
В помещении сидит голый человек голый человек
Мужчина мужчина мужчина

Он на диване сидит выпуска старого где зеркало
Зеркало узкое впаяно в заднюю спинку серую

Вера пришла с холода с холода с холода
А он сидит жёлтый и издаёт запахи тела в одежде
бывшего ранее
Долго и долго и долго запахом не насытишься

Тело подёрнуто подёрнуто салом лёгким жиром тельным
– Садись Вера – он говорит – садись ты холодная
А он с редким волосом на голове цвета бурого

А Вера такая красивая такая красивая
Она села села согнула колени на краешек

А он потянулся обнять её спереди спереди
Неудачно нога его тонкой кожей сморщилась
Неудачно его половой орган двинулся
А Вера такая красивая такая морозная
– Ух как холодом от тебя также молодостью

Раздевайся скорей – ты такая красивая
На тебе верно много надето сегодня и он улыбается

Зеркало зеркало их отражает сзади овальное
Только затылки затылки затылки

Книжищи

Такой мальчик красивый беленький
Прямо пончик из кожи ровненький
Как столбик умненький головка просвечивает
Такой мальчик погибнул а?

Как девочка и наряжали раньше в девочку
Только потом не стали. сказал:
«что я – девочка!»
Такой мальчишечка
не усмотрели сдобного
не углядели милого хорошего
что глазки читают что за книжищи

У-у книжищи! у старые! у сволочи!
загубили мальчика недотронутого
с белым чубчиком

Чтоб вам книжищи всем пропасть
толстые крокодилы!

Мальчичек ягодка крупичичка
стал вечерами посиживать
всё листать эти книги могучие
всё от них чего-то выпытывать

Убийцы проклятые книжищи
давали яду с листочками
с буковками со строчками
горел чтобы он бледненький

Когда ж он последнюю книжищу
одолея видно старательно
заметно он стал погорбленный
похмурый и запечалённый

Однажды пришли мы утречком
Чего-то он есть нейдёт
Глядим а окно раскрытое
В нём надутое стадо шариков
И он до них верёвочкой прищепленный

«Шарики шарики – говорит
Несите меня»
И ножкою оттолкнувшись
А сам на нас строго поглядел
И в небо серое вылетел...

И видела Марья Павловна
Как понесло его к моречку
А днями пришло сообщение
Что видели с лодки случайные
Как в море упали шарики
На них же мальчонка беленький
Но в море чего отыщешь ты

Горите проклятые книжищи!

Сирены

Вдохновляюсь птицею сиреною в день торжественных
матросов

Плетни волн не сильно говорливые. видят вид мой
чистый

Вымылся и палубу помыл. скоро остров с красными
цветами

И об том дают мне знать. птицы бледными крылами

Полон чьих-то дочек он – сирен. с бледными
прозрачными крылами

Полон я каких-то чувств летающих с бледными и
тонкими крылами

Падают насколько мне известно на самые красивые
корабли

Насколько мне известно падают на чистые где и матросы
чисты

Падают эти сирены с грудями со многими грудями

В коротких падают рубашках с кружевами с кружевами

Насколько мне говорили с кружевами и грудями

Ленточкой у горла перевязаны они. ленточкою чёрной

Сами белокуры и волосы они также веют ленточкою
чёрной

Кожа их бумажная сонная неживая

Основное их занятие – летать и петь целой стаей

Вот они. летят они. помогают ногами крылам слабым
Вот они. и сели они. и до чего ж красивы эти бабы
Вот они. и плачут они. и отирают они слёзы и песни
запели

Каждая песня о неизвестном растении о неизвестном
животном

В заключение песню запели они об острове своём
волосатом

И улетать они собрались. улетают а меня не берут. не
берут

Сколько к ним не бросаюсь!

«Баба старая кожа дряхла одежда неопрятная...»

Баба старая кожа дряхла одежда неопрятная
Ведь была ты баба молода – скажи
Ведь была ты баба красива́
Ведь была резва и соком налита
Ведь не висел живот и торчала грудь
Не воняло из рта. не глядели клыки желты́

Ведь была ты баба в молодой коже
Зубы твои были молодые зайчики
Глаза очень были. как спирт горящий
Каждый день ты мылась водой с серебром
В результате этого была ты не животное
Не земное ты была а воздушное
А небесное

И что же баба ныне вижу я
Печальное разрушенное ты строение
Вот в тебе баба валится все рушится
Скоро баба ты очистишь место
Скоро ты на тот свет отправишься

– Да товарищ – годы смутные несловимые
Разрушают моё тело прежде первокласное

Да гражданин – они меня бабу скрючили
Петушком загнули тело мне
Но товарищ и ты не избежишь того
– Да баба и я не избегу того

«Я в мясном магазине служил...»

Я в мясном магазине служил
Я имел под руками всё мясо
Я костей в уголки относил
Разрубал помогал мяснику я

Я в мясном магазине служил
Но интеллигентом я был
И всё время боялся свой длинный
Палец свой обрубить топором

Надо мной все смеялись мясники
Но домой мне мяса давали
Я приносил кровавые куски
Мы варили его жарили съедали

Мне легко было зиму прожить
Даже я купил пальто на вате
Много крови я убирал
И крошки костей уносил
Мне знакомы махинации все
Но зачем этот опыт мне

Я ушёл из магазина мясного
Как только зимы был конец
И тогда же жену обманув

В новых туфлях я шёл по бульвару
И тогда я тебя повстречал
Моя Таня моя дорогая

Жизнь меня делала не только
но и делала меня кочегаром
я и грузчиком был на плечах
Вот и с мясниками побывал в друзьях

«В один и тот же день двенадцатого декабря...»

В один и тот же день двенадцатого декабря
На тюлево-набивную фабрику в переулке
Пришли и начали там работать
Бухгалтер. кассир. машинистка

Фамилия кассира была Чугунов
Фамилия машинистки была Черепкова
Фамилия бухгалтера была Галтер

Они стали меж собой находиться в сложных отношениях
Черепкову плотски любил Чугунов
Галтер тайно любил Черепкову
Был замешен ещё ряд лиц
С той же фабрики тюлево-набивной

Были споры и тайные страхи
Об их тройной судьбе
А кончилось это уходом
Галтера с поста бухгалтера

И он бросился прочь
С фабрики тюлево-набивной

Записка

Костюмов – душенька – я завтра
Вас жду поехать вместе к Вале
Она бедняжка захворала
У ней не менее чем грипп

Но только уж пожалуйста любезный
Ты не бери с собой Буханкина
Уж не люблю я этого мужлана
Ох не люблю – и что ты в нём находишь

Криклив... У Вали это неприлично
Когда б мы ехали к каким-то бабам
А то приятная безумка Валентина
Она же живо выгонит его

Ну как Костюмов – милый Фрол Петрович
Напоминаю – ровно в семь часов
И без Буханкина пожалуй сделай одолженьё
А я тебе свой галстух подарю

Смотри же. жду. Приятель Павел
Пэ. эС. И я тебе сюрприз составил

Послание

Когда в земельной жизни этой
Уж надоел себе совсем
Тогда же заодно с собою
Тебе я грустно надоел

И ты покинуть порешилась
Меня ничтожно одного
Скажи – не можешь ли остаться?
Быть может можешь ты остаться?

Я свой характер поисправлю
И отличусь перед тобой
Своими тонкими глазами
Своею ласковой рукой

И честно слово в этой жизни
Не нужно вздорить нам с тобой
Ведь так дожди стучат сурово
Когда один кто-либо проживает

Но если твёрдо ты уйдёшь
Своё решение решив не изменять
То ещё можешь ты вернуться
Дня через два или с порога

Я не могу тебя и звать и плакать
Не позволяет мне закон мой
Но ты могла бы это чувствовать
Что я прошу тебя внутри

Скажи не можешь ли остаться?
Быть может можешь ты остаться?

Кухня

Только кухню мою вспоминаю
А больше и ничего
Большая была и простая
Молока в ней хлеба полно

Тёмная правда немного
Тесная течёт с потолка
Но зато как садишься кушать
Приятно движется рука

Гости когда приходили
Чаще в зимние вечера
То чай мы на кухне пили
Из маленьких чашек. Жара...

А жена моя там стирала
Около года прошло
Всё кухни мне было мало
Ушла она как в стекло

Сейчас нет этой кухни
Пётр Петрович приходит ко мне
Сидит в бороде насуплен
«Нет – говорит – кухни твоей»

**Из сборника «Некоторые
стихотворения»
(архив Александра Жолковского)**

«Фердинанда сплошь любили...»

Фердинанда сплошь любили
Он красавицам был вровень
И ценили его до могилы
А уж после и не ценили

И все его нести не захотели
Только те кто его не любили
Посмотреть на то захотели
Им и пришлось нести его

«На горелке стоял чайник Филлипова...»

На горелке стоял чайник Филлипова
кастрюля с картошкой Варенцовой
Кастрюля с борщом стояла Ревенко
и кастрюля белая маленькая
с манною кашей для ребёнка Довгелло

На верёвке простыня рябела
Из кухни была дверь в комнату Прожектёрова
Который сидел за столом
лбиные мышцы напрягши
Вот первый прожект кладёт на бумагу рука

«Всё было всё теребилось рукою...»

Всё было всё теребилось рукою
Где же теперь же милые вещи те
И почему они заменились другими
Можно всё перепутать в темноте

Речь идёт о новых жильцах
на моей на её квартире
Ручки дверные даже сменили они
Там где я вешал
Бессменно пальто своё четыре года
Там у них пальма серая вся замерла

Прийдя вчера это всё я обнаружил
Множество также мелких вещей иных
Я пытался кричать «Где у вас суп с тарелками
Там стояла кровать
И она на ней видела сны!»

Но куда там... мне сразу закрыли рот
И выгнали силою двух мужчин на лестницу
Ах! Они там едят свой негодный парующий суп!

У неё там стояла кровать!
Там наша кровать стояла!

«Красивый брат кирпичный дом...»

Красивый брат кирпичный дом
Стоял наднад глухим прудом
И не двигалась вода
его наверно никогда

Жил некий дед и был он стар
В костюме белом в ночь ходил
И каждодневно грустный внук
В поля горячие пошёл

Была старинная жена
интеллигентная она
и на скамейке всё сидела
и в книги длинные смотрела

Блестел средь ночи высший свет
И на террасе внук и дед
Сидели в креслах грандиозных
В беседах страшных и нервозных

Внизу сапожник проходил
Носивший имя Клара
И что-то в сумке приносил
И следовал за ними

Они вели его к пруду
Не говоря ни слова
И филин ухал не к добру
И время полвторого

Красивый брат кирпичный дом
Стоял над высохшим прудом
И не сдвигалась вода
его наверно никогда

«И всегда на большом пространстве...»

И всегда на большом пространстве
Осенью бегают солнце
Все кухни залиты светом
И всё в мире недолговечно

Утром постель твоя плачет
Она требует она умирает
Скорый дождь всех убивает
И любой шляпу надевает

Я помню как по дороге
Бегут собака и бумага
А их догоняет грустный
Аляповатый Антон Петрович

«Граммофон играет у Петровых...»

Граммофон играет у Петровых
Плачет и терзает он меня
Я сижу среди кресла на балконе
Свою юность хороня

Боже я бывал тут лет в шестнадцать
Танцевал... впервые полюбил
и опять сижу я у Петровых
Потеряв фактически себя

Милые коричневые стены
Библиотека ихнего прадеда
Тёмные ветвящиеся руки
Ихнего отца среди стола

Кончил бал. Вернулся. Сел. Заплакал
Вот и всё чем этот свет манил
Вот тебе Париж и город Ницца
Вот тебе и море и корабль

А Петровы понимают чутко
Это состояние моё
Отошли. Когда же стало жутко
Подошёл отец их закурил

Сёстры! Я привез в подарок
Лишь географическую карту
И одну засушенную птицу
и её размеры чрезмерны

Длинно я сижу и едет в пальцах
Стиранная сотню раз обшивка
Вашего потомственного кресла
Впитывает тёмную слезу!

«Когда бренчат часы в тёплой комнате Зои...»

Когда бренчат часы в тёплой комнате Зои
И Зоя сидит на ковре гола весела
И пьёт в одиночестве шипящие настои
Из бокалов душистых цветного стекла

То часы бренчат то Зоя встаёт
и по тёплой комнате тянет тело
то и дело мелькает Зоин белый зад
и жирком заложенные ноги смело

И привлекательных две груди больших
Висят подобно козым таким же предметам
Пухлое одеяло пунцовое сохраняет ещё
Очертания Зоиных нежных и круглых веток

Тут Зоино пастбище – Зоин лужок
Охрана его – толстые двери
Сиеминутная Зоина жизнь – поясок
Вдруг одела и в зеркало смеётся боками вертит

Направляется к туалетному очагу
Сидит и моча журча вытекает
Она же заглядывает туда

От проснувшейся страсти тихо вздыхает

Евгения

Последнюю слезу и ветвь и червь. кору и белую косынку
Движений долгий стон такой томительный
Увидел от Евгении вечерних чувств посылку
Такой изогнутый был стан и длительный!

Ворсистые листья под действием дождя запахли
Ещё садовый стол хранил кусочки влаги
А белые чулки так медленно меняли
И положение своё передо мной дрожали

Не мог коснуться чтоб не отойти
Её волнистые после дождя движения!
Она сама мне доставала грудь уже свою
Движеньем рабским боковым – Евгения!
И я стал рвать —
 собака идиот

Чтобы добраться к ляжкам —
 привлекали жировые отложения
...Весь в складках передо мной лежал живот...
и волосы там грубые росли – Евгения

Я взял руками толстую обвил
ещё чулка хранившую пожатие
я ляжку твою жирную – проклятие...

В бездонную траву легли мы мне роскошество
Я лазаю в тебе под ног твоих мостом
Под мышку нос сую и нюхаю супружество...

«Вот идёт дорожкой сада...»

Вот идёт дорожкой сада
старый баловник
и ему служанка рада
и мальчишкин крик

Все к нему спешат толпою
шляпу принимают
Тащит вся семья пальто и
на диван сажают

«Тихо и славно сижу...»

Тихо и славно сижу
Мысль в голове возникая
Двигается к дому родных
В нём и светло и тепло

Только мне злобен порой
Дом этот. Вижу в нём признак
жизни прожитой отцом
А для чего для чего?

Служит неспешный закон
Книги там пыльные светлы
Нет там никто не кричит
Жалко не слышно там слёз

«Уж третий час...»

Уж третий час
уже такой забвенный час
такой застылый во единой позе
Нет уж на стуле лучше не сидеть
В постели загнаны и там повеселее

Скорее сон с повязкою здоровой
сменить на этот третий час багровый
Но здесь и птиц замешано гнездо...
Ах ночью затрещали в стуле птицы
Мизёрный звук! Как плачи ученицы
которая с такой тоской...
сидеть и жить ей в здании одной...

Нет! Третий час – обман всего на свете
и нет того что мать жёна дети
Всего глядит на Вас
застылый времени ужасный дом
и тихо в нём и необычно в нём

Скорей в постель
здоровую повязку
наденет сон так мягкой рукой
А птиц гнездо
помрёт в середине стула

О душный праздник сна —
перемоги!
чтобы душа уснула

«Был вот и друг у меня...»

Был вот и друг у меня
А теперь как скончался он будто
Нету друзей никаких
Я один на дикой земле

Только стараюсь внести
В быт свой некий порядок
туфли почистил я взял...
снова поставил туда...

Всё-таки он от чего
Вдруг и покинул неясно
что-то я тут не пойму...
Очень окутан предмет
странным уму моему
чувственным синим туманом...

Уж не завидует ль мне?..
...Что я! чему тут зави...

«Во двор свои цветы...»

Во двор свои цветы
Свисает божье лето
Никто себе сказать
Не может «Для меня!»

А это для меня
Свисают вниз цветочки
И лица наклоя
Здесь бабочки ползут

И лица наклоя
Здесь бабочки ползут!

«Где же поэт быстроглазый...»

Где же поэт быстроглазый
То постигает в явленье
Скрытое что находилось
Долгое время лежало
Он открывает впервые

Мысли приходят ведь многим
Он же поэт в своих мыслях
Может искать и находит
Миру священную власть

Я не однажды вторгался
В дивный чертог муравьиный
и уподобил людскому
Но ошибался как я!

Страх меня нынче забрал
Как рассмотрел я подробно
Да, муравьиная страна
ужасом многим полна!
Пусть нам их жизнь не даётся
Нет! не построим у нас
эти несчастные свойства

«Письмо я пишу своей матери...»

Письмо я пишу своей матери
Сам наблюдаю
как постепенно сын разрушается их
Год я назад написал
что один зуб сломался и раскрошился
Нынче пишу что лечу
ещё один чёрный зуб

«За кухонным столом занимаясь...»

За кухонным столом занимаясь
Работой моей бесполезной
Я думал с горькой улыбкой
ощупав холодные ноги
/ступни как мокрое мясо/
– что буду я знаменитым
сразу как только умру

«Добытое трудом конечно хорошо...»

Добытое трудом конечно хорошо
Но когда блеск талант – приятнее всего
Но когда блеск – талант – замру не шевелюсь
Так слово повернул – что сам его боюсь

У слова будто зуб
У слова будто глаз
и может быть рукой
качнёт оно сейчас

«Папочка ручку мне подарил...»

Папочка ручку мне подарил
Как мне грустно и стыдно
Столько живу столько живу
А что этой ручкой сделал?

Я сам для себя тюрьму сочинил
Я сам для себя и умер
Я этою ручкой могилу отрыл
опасный я выкинул номер!

«Был я и молодой и здоровый. Да уж нет...»

Был я и молодой и здоровый. Да уж нет
И теперь я немощен милый друг. Я двигаюсь еле
А кто виноват – кто милый друг – кто виноват
Белая природа мой друг. только белая природа

Что ей нужно зачем произвела и родила
Меня смутный облик. неизвестное мясо. смутный облик
Это мясо глядит в окно – расплылось на стуле
Ты дурное мясо дурное дурное

Что я был жил жил жил
У окна в основном проводило мясо время
Пора уж мясу в землю назад. побыл
Откуда пришло туда дурное иди направляйся семя

**Из сборника «Некоторые
стихотворения»
(архив Александра Морозова)**

**«Тихо-тихо этим
летом я проснулся...»**

Тихо-тихо этим летом я проснулся
Встал, умывшись, продовольствия покушал
Надушился благовонными духами
И пошёл мягкими шагами
В окончательно спокойное пространство

В окончательно спокойном я пространстве
Увидал ворон висящих
И воронам я сказал гудяще:
«О вороны это утро вещь!»

И вороны отвечали мне: «Мы знаем!
Потому висим, а не летаем
Дни твои пойдут – но также спящее
Окончательно спокойное пространство...»

«Птицы – ковровые тени безумных желаний...»

Птицы – ковровые тени безумных желаний
Мимо ваш самочий лёт и экстазность
Утром в погасшем сижу дорогом
Ночь уж свернулась как молоко пожилое

Смешно... ведь едва не мной играло
и едва не жизнь плясала в своё время
на весах... как мясо или как мясо
или как мясо... моя жизнь так была
в таком положении то есть страшном

Невольно я настилаю постели морщины
Счас спать то есть сейчас и видеть сны
Где мертвецы поджигают примус
и чай изготавливают душисто и хорошо
Мне спать... а птицы поехали плакать

«Чёрные мысли летели к далёкому краю...»

Чёрные мысли летели к далёкому краю
Берег виднелся у них как бы у птиц
На берегу сухие деревья находились
И соседствовала вода толстая и старая

Чёрные мысли летели к далёкому краю
Где девочки в шёлковых чулках
С кровью на ручках гуляли...
Они улыбнулись... на чулках цветы шумели
а также травы...

Затылки девочек колыхались впереди
Играла музыка верха
и слышалась музыка низа...
Старик в белой фуфайке
шёл между деревьев вдаль
Как стало известно... деревья даже без листьев
Значит не только сухие... а хуже того

Чёрные мысли летели к далёкому краю:
и десять женщин пронзали себя спицей
и десять мужчин вырезали себе глаз
и пять девочек резали себе шейки

при помощи ржавых ножей...

И десять мужчин вырезали второй глаз
и десять женщин вторично прокалывали себя спицей

они выдёргивали спицу...
и пять девочек резали шейки
и давали лизать кошкам...

Всё это время чёрные мысли
летели к далёкому краю.

«К вам однажды на изобретении...»

К вам однажды на изобретении
Прилетел усатый человек
Он спустился на розовую крышу
Где небу вы подставили герань

Он спустился сапогами топая
Изобретение к трубе он привязал
Душе он вашей преподнёс три слова
В салфетках из мучительных гримас

«Я склонен Вас!» ...а вы ему ответили
Жестокая и в маленьких босых ногах
«Вы ноги мои видели заметили...
А вы пришли в звучащих сапогах...»

И постыдясь весь розовый и мокрый
Он выходил и усажался в шар
И высухать летел летел разбиться
О водную опасность вдалеке...

Театр

Вот поющий и плачущий
Проезжаем мы театр

Там убит актёр страдающий
Да актёром нестрадающим

Зло подробно оно хвалится
И по сцене гордо бегаёт

Умирал актёр страдательный
С тихой верою печальною

Тот актёр что не страдающий
Он страдальца торопил

Натюрморт

Юхновская пищеварительная тетрадь
Какая кишка что переваривает
Какая розова переробит колбасу
Кака синенька пережжёт овощное

Вот и верёвка где висит кирпич
Вот крова которая лужа есть
Вот бритва от неё слетает голова
А это топор – он оттяпает палец мизинец

Вот пицалка – она запищит ребёнком
Кукла – её можно использовать для жечь
Вот килька – её выбросить в окно
Вон лимон – его покатать...

«Возникли домашние туфли...»

Возникли домашние туфли
Потом возникла ночь
Потом зародились паровозы
А воры стали обрезать сумки

Потом пирожное ели за пирожным
Спали в цветках адаманта
Говорили: риссель равно бритвель
И запивали портвейном низшего запоя

Стояли деревянные деревья в клюквенном соку

Земля улыбалась как маргарин

Было холодно как в мясорубке
Шёл ненормальный в кошачьей шубе
он сам её выдубил
Шла певица из горносталя

Шёл ухо-горло-нос
нёс лисий хвост

Плакали и обнимались машины
Стройные куклы навсегда закрывали глаза
Военные люди спали навсегда

«Мы да вы» говорили украшая пушки

Лопатой выкопали ямы
– Тыпфу-тыпфу-тыпфу
плевались через левое плечо

Где ваш творческий ирис?
Где ваша гениальная калитка?
Моя талантливая корзинка
Переносит солнечный свет
А также лунный...
Где-то ехали на железной собаке
и кричали гулкое «Разойдись!»

«Ветер ходит возле Юрика...»

Ветер ходит возле Юрика
Юрик ходит возле ветра

Ночной человек Алик приходит к Юрику
Ночью как ему полагается
Произносит: «Давай дружить!»

И они дружат – то есть вместе умываются
Сажают розы
И размышляют

Кроме них размышляют насекомые
Смеются полевые мыши под луной
Молнию зубов показывая
Прыгает волк
и мысли прыгают с ним

Мысли как вата падают в воздухе...

Юрик и Алик идут в обнимку

Кар-кар-кар! – вороны отвлекают внимание

Юрик и Алик смеются и ловят козу

А пока поймали

Да пока белую козу привязывают
стареют в это самое время

«Склонный к радостному крику...»

Склонный к радостному крику
от природы от природы
я проснулся необычно
очень серо очень тускло

Дождь сиял на небесах
Мне сказали сёстры шёпотом
Дождь сиял всю ночь прошедшую
Я ответил сёстрам «Ах!»

Коридором в это время
Кто-то быстро пробежал
Тёмным нашим коридором
Что-то быстро пробежало

Склонный к радостному крику
Крикнул я: «О гость вернись!»
И услышал я «Хи-хи
Никогда я не вернусь!»

«Это не белый цветик...»

Это не белый цветик
от хладного ветру жмётся
это не тонкий клонится долу
плакает и причитает

Это маленькая малышка
тихонькая Алёнка
умирает от злой болезни

Зачем детей-то природа?
Этому я не согласен!..
Лучше меня возьми-ка
Вон я какой прекрасен...

«Мне сегодня день бы надо песней опеть...»

Мне сегодня день бы надо песней опеть
Ведь мороз же объявился
А у нас тёплым тепло от печи

Мне б сегодня печь бы опеть
Будто это печь мне жизнь так сделала

Я расселся чист и вымыт очень
За большим столом тоскую
Ясной и морозною тоскою
и прозрачной и ничем не чёрной

А народ в окне везёт поспешно угли
Вороны сидят на голых сучьях
и подмышку каркают себе

Тёплые надели все одежды
Забавляются своим пушистым видом
Пальцами тыкают и смеются
на лохматые уборы головы

Я цветастый тот платок поправлю
Что накинут на мне как старике

В ручку новое перо я вправлю
потянусь нагнусь и запишу...

только поздно вечером я кончу
вы тогда уже уснёте люди...

«При комнате растёт цветок...»

При комнате растёт цветок

А у цветка сидит студент

Студент пьёт чай

Студент уже старый

Борода студента неумолимо растёт

Студент любит половую Катю

Половая Катя не любит студента

«Это не я сижу и пишу босиком...»

Это не я сижу и пишу босиком
Это же «он» сидит
а я за ним наблюдаю

Это не кто-то пошёл
это пошёл со спины «он»
а я за ним наблюдаю

Это «он» ничего никому не сказал
А я молча за ним наблюдаю

Это «он» худенький как стебель
А я лишь за ним наблюдаю

Это «он» слёзы разлил страшны
Всего лишь за ним наблюдаю

Это «он» умрёт и навсегда
А я за ним понаблюдаю

или нет... это умру я...
А «он» за мной понаблюдает

Череп

На череп гражданина Эн
Могильщик стал ногою
Могильщика зовут Ефим
Он лысый молчаливый

«Вот череп гражданина Эн!» —
могильщик произносит
И сразу ногу убирает
И сразу череп вынимает

С него откалывает землю
Из глаз вытряхивает землю
И вытирает об штаны
И ставит пред собой для обозренья

– Ах череп череп – ты зачем
валяешься вот так
Где гражданин твой – славный Эн
Чего не заберёт?..

Могильщик мокрый говорил
В порвато́й майке красной
По лбу он черепу стучал
щелчками молодыми

Затем стучал себя по лбу
Оглядывался на кусты
На летний день... кусок лопаты
На темноту что скоро будет...

И снова череп положил
Туда где череп раньше был...

«В садах тюльпанных и бананных...»

В садах тюльпанных и бананных
Живёт Тельпуга Аляпур
Годами уж она стара
И любит капельки вина

Однажды к той что угадать
Прислали даром попугая
Спешила б попугая брать
Она ж отринула его

Другой держал бы вместе с пудрой
Или другая рядом с сном
Тельпуга Аляпур обратно ж
Сидит и видит за столом

Води же зреньем по далечням
Где гроздья лишь свисают тайн
Пусть оправдается окуляр
Одетый сбоку как пэнснэ

В садах тюльпанных окаянных
Тельпуга Аляпур живёт
Гремя костями утром ходит
И предсказания даёт

Кому прожить четыре года
Кому превратиться в виноград
А кто умрёт через неделю
Скажи Тельпуга на вине
С вином хотя бы ты скажи...

«О как любил как плескал я в ладони...»

О как любил как плескал я в ладони
Этим елям душистым на подставках!
О как встречал их эти ели!

Как подставлял ликующе
Свои плечи под их тяжесть

Как вонзал их летающий запах
В свой возбуждённый нос

Как придумывал сложно и тонко
Украшенья для елей и подарки...
Как распушивал ветви руками...

А потом...
Я всегда самолично и на коленях
Собирал их иголки с полу

И плакал на голый остов
Благородный скелет.

«Сегодня детский мир...»

Сегодня детский мир
разбил папа в подтяжках
Он что-то больно съел
и заходя к детям
упал он на игрушки
всей своей страшной тушей

А раньше написал в письме
что это он хотел...

Так высунул язык нам
наш папа в период детства
умер на наших игрушках
кровью своей их залил.

«Наступает свет на тьму...»

Наступает свет на тьму
Света луч скользнул в тюрьму
Антон Филиппович убийца
сидит сторбленный на кровати

Ботинков старые тела
Двух длинных ног холода
Антон Филиппович ещё
один последний день прожил

Равнина

Краски любимые
Краски бедные нежные
Равнина любимая серая
тускло-зелёная

Радость горчайшая
в сыне гуляющем
кто он – не знающем

По что тут ходить?
Тут ходить не по что
Лишь для сердца ходить
для плача невольного

«В саду они встречались по...»

В саду они встречались по —
ка лето шло своим путём
И много раз под виноградом
он грудь её гладил руками

Но дальше лето кончилось
И море внизу загудело сильней
Он уехал в дождь далеко
Она осталась служанкой служить

Встретились только через десять лет
и стояли мешкая
Ах какой дождь и после него зелёный свет
Сколько до смерти дней

Конструкция

Стоит стол марки четырёх военнослужащих бывших слепых

что продают его и хотят энную сумму. их компания

Где же вы делали? Адрес сарая дадут и там они делали

Что им темно им всё равно /в военном ещё одетые/

Ладно что стол из ореха. красный ореховый

Выше же стул он из ореха. красный ореховый

ими поставлен и так стоит как поставлен военными ныне слепцами

Выше ещё один взобрался из них и сидит слепой пятый

Молча сидит и молчит даже если его окликают

так оно всё обстоит.

стол.

на нём стул

А на стуле слепой молчаливый.

«Спокойно еду поездом мерным в время иное...»

Спокойно еду поездом мерным в время иное
Спокойно вижу лежит на песке речном какой-то
И обращаясь к нему за дорогой вдруг узнаю я
Что это я сам – вольное солнце давно обнявший

Вокруг разместились пески и речка толпится
Нет ничего чтоб смутило лежащего чем-то
Длинные волосы и лицо птицы красивой
Я не покидаю говорит этого места

Десять лет он лежит уже так под солнцем
Не буду мешать ему – пусть он лежит навечно

«Как шумит узловатое море...»

Как шумит узловатое море
Как застелена криво скатерть
И закуски на ней посохли
в ожидании нас на ужин

Он всего вам всего приготовил
Он и каперсов вам и сыру
И такого хорошего мяса
И вина... а вас нет и нет

Он сидит... и спиной в стул давит
Этим он напряжение гонит
И один он бокал наливает
то и дело себе... пьёт быстро

Так он ждал так оделся блестяще
Хоть и каждый день ходит блестяще
Воротник его плещет в лицо ему
и красивым его объявляет

И ходил уже он дожидаясь
И сидел уже он... вновь бегал
На дорогу ведущую к морю
брал глаза он под козырёк

Но как будто кто-то по лестнице
Подымается... скрип ступенек
Весь натянут... открылись двери
Входит старый приятель Фрол
У него тут глаза помутились...

«В ответ глазам твоим...»

В ответ глазам твоим
На вопрос глаз твоих
я сказал: «А-а-а»

В ответ мне всему
Ты сказала губами: «Бэ-э-э»
извернулась всем телом влево
и
протянула мне солёную кильку
левою длинной рукой
приоткрыв приветливо рот

«Солнечный день. Беломрамор...»

Солнечный день. Беломрамор
Скованные мягкие волны
Круглые горные породы
Всё время выходят из волн

Солнечный день. Беломрамор
Кости коленей... Кости коленей...
Кости локтей... Кости лба...
Всё нагревает солнце...

«Родился и рос Бенедиктов...»

Родился и рос Бенедиктов
Волен он был в поступках
Мог что хотел делать
Но ничего не делал

Лишь только он спал в постели
И щёлкал на чёрных счетах
Умер затем Бенедиктов
Детей больших он оставил

«О Вы кто некогда бывал...»

О Вы кто некогда бывал
И также ехал в поездах!

О Коркиной Литовцеве и Брянской
Которые проехали давно
По этой по железной по дороге
Я знал и вспоминал о них!

О Норкине который без вести пропал
Поехав этим поездом по этой ветке
Год одна тыща девятьсот десятый
Я тоже знал он в синем сюртуке был
И в сетках чемоданы цвета синь

Я также вспоминал в поля глядя
На пыльную траву мелькающую
Что тут когда-то ехала Безумцева
Как будто она тоже отдыхающая

А с нею компаньон её – ты Кипарисов
С бородкой рыженький и задушевный
И вы вели глухие разговоры
Я помню вас на поезде поехав
О милые о милые мои!

Стул

Совместно с Петровым жил стул
Бок о бок всю жизнь день и новь
Спина о спину опирались
Совместно старились и сгинались

Однако Петров – он раньше
Ещё в декабре он умер
А стул лишь через три года
Вынес в чулан сын Петрова
Там стул постепенно доумер
В феврале он сожжён был в печке
В период больших морозов.

«Дали туманные груди тревожные...»

Дали туманные груди тревожные
Крики синичные о солнце-ватнике
Нету работы у Лебедяткина
Бросил работку – живёт у Красоткиной

Хлеб едят с маслом картошку сыры
В постели лежат не выходят в дворы
Жизнь иха тянется между собой
и не оглянутся худы собой

Что им правительство что им погода
Март уж в разгаре Любовь их уютная
Кушать соседка им носит за денежки
Всё ещё есть они. Кончатся. глянут тогда

видно там будет а ныне вдвоём
Лежат удивительно чудно
их бледные лица из-под одеяла...

«На металлическом подносе...»

На металлическом подносе
Лежат мои бывшие волосы
– Я теперь не имею кудрей
– Ты теперь не имеешь волос
– О спасибо посыпьте меня!..
– На здоровье посыпан уж ты
– Так посыпьте меня посильней
белой пудрой...
– Уж ты изменён... этой пудрой
никто не узнать...
– Измените меня совсем!
– Ты и так уже вовсе не ты...

«О любовник охваченный некоторым жаром...»

О любовник охваченный некоторым жаром
хватает даже зубами грудь любовницы

Осень стоит и их липкая комната
тени зелёных и жёлтых растений
в себе поселила

И как это мне странно
и как я это люблю
знать про двух людей
которые равны нулю!..

«Без возврата и воды текут и хозяева блекнут...»

Без возврата и воды текут и хозяева блекнут
Без умоления на этой земле заявляются вёсны и зимы
Проходно... помню ли я множество снега
Или же проходно... помню я листьев стога и тонны

В горизонте моего глазового угла
Вижу я один-единственный лист труп
О лист труп начались дожди начались
О лист труп опять перестановка опять переставляют...

Что же это... перчатки и шляпа... перчатки и шляпа
только на столике и больше ничего... только это
А где же овраг и белое платье еврейской любимой
сколопендры укусы эта осень... и только... и только.

«Смешение...»

Смешение

Растопление

Ласковое сужение

глаз кошачьих любящих меня...

ехал я однажды на машине

видел низкорослые поля...

Вспомнил папу папочку папульку

ещё был он старший лейтенант

и погон его его фуражку

ещё был улыбкою богат...

Моя мама мама говорила

«От себя сынок не убежишь»

Как ты верно мама говорила...

Помню ехал и стояла тишь...

Были люди странные соседи

Вся семья не ела не пила

хорошо ещё что разделяло

Нас пространство толстого стекла...

Всякие кто видят низкорослые

русские и серые поля

Будто бы становятся крылатые
Далеко им всё же не летать...

...Праздник поздно... троица иль что-то
ветками украшена стена
выйдя за железные ворота
тихо кто-то старенький сидит...

Длинные горячие в пыли ещё
Дети постоянно возлежат
Длинные горячие в пыли ещё
говорят и дребезжат...
Вот цветок влекут с собою вместе
неплохой багряный весь цветок
Вот цветок влекут все дети
вот цветок...

Праздник... троица иль что-то
вижу непонятные поля
посидеть я вышел за ворота
и вокруг куски угля... угля...

«Я люблю темноокого Васю...»

Я люблю темноокого Васю
Этот мальчик знаком мне давно
Темноокий тот Вася любезен
Он приносит мне розы цветы

Розы в банке стоят как хотели
Медсестра да и только я есть
Концы роз средь воды зеленеют
Цветы молча глядят на луну

В час ночной всё становится сладко
Мальчик Вася стоящий в дверях
И огромная лежащая бархотка
И отец мой в портрете поляк

Я люблю темноокого Васю
Он уходит беззвучно за дверь
И луна повинуюсь уходит
Цветы розы коровьего мяса красней.

«Я люблю тот шиповник молодой...»

Я люблю тот шиповник молодой
И тот папоротник под луной
Что когда-то стояли со мной
На огромной поляне пустой

Мне сложились их облики вновь
В отдалении лишь на метр
И я снова летучая мышь
Оседлавшая старый крест

«Школьница шепчет в корыте...»

Школьница шепчет в корыте
Купаясь левой рукой
Уже совершенно женская
Она своей красотой

И путь ей уже известен
белые руки текут
вздувается мыльная пена
и груди куда-то спешат

– Такая прекрасная девка —
подумала глядя себя
Была бы ещё мне радость
при жизни моей дана...

«Иван Сергеич опыт этих дней...»

Иван Сергеич опыт этих дней
И не забудет и не забудет
Он проводил в большой толпе людей
Свои все дни... его пьянили люди

Он только что работы был лишён
И для него случайная свобода
в пятьдесят лет обедал где-то он
стоя у стойки прямо возле входа

И пил вино стаканом шелестя
Впервые так борщом его заевши
И ложка отнимала у него
вниманье... но отчасти и соседка

Какая-то лет тридцати пяти
Ведь могут быть красивы люди!
Пред тем или во время как идти
кушала супом ветчиной на блюде

Иван Сергеич всколыхнулся весь
На ней была стоклеточная юбка
и бархатный берет что купленный не здесь
в руке ещё какая-то покупка

Возможно там одеколон или духи
Или другие мелкие предметы
А красота её руки!
Такие руки лишь хранят портреты!

Иван Сергеич извинился ей
и предложил пойти гулять по скверу
Она пошла с ним посреди аллея
Имело небо цвет ужасно серый

И голые почти что деревья
пород различных навевали мысли
что люди тоже некая трава
и он сказал ей это после

Всё было хорошо. Она сказала
и где живёт. Не нужно ей ничто
Иван Сергеич предложил ей выпить
хоть был в потёртых шляпе и пальто

И много пораскидывали денег
но их не жаль не жаль
Был первый час. Настал уж понедельник
Она себя завилла в шаль

Она сказала что прощайте
И он сказал ей – всё прощай
Навек покинули друг друга
Иван Сергеич тяжело шёл.

«В уменьшенном виде...»

В уменьшенном виде
на зелёной лужайке
дети играют
Несколько умных цветных коров
к ним впотьмах подбегают

Большинство вспотелых глупых пастухов
смеются как дети
А дети убегают от степных коров
кто в шляпе кто в берете
проклиная всё на свете

Света острый белый луч
вдруг от луны отрывается
И блестит речка и гитара кричит
И дети исчезли в кустах забиваются.

«Оставлены дети без присмотра...»

Оставлены дети без присмотра
Заперты дети на железный замок
Дети боятся увидеть чорта
В ночное окно или в двери глазок

Дети российские двое со шлейками
Боречка детский и детский Андрей
Весь стол заполнили лампами трёхлинейками
И не сводят глаз диких с дверей

Вера нормальная в сто привидений
И в безобразников руки в крови
Детский Андрей улыбается силится
Боречка сильно в слезах уронил

Чубчики сбились. Тихо не скрипнут
Стулом поношенным телом своим
Да друг до друга испуганно липнут
Как защищаются телом другим

Вот в промежутке часы ударяют
Лица настолько испуг посетил
Что будто лица берут и тают
Кто так ужасно детей заманил

Мало-помалу за ихними спинами
Дверь отворяется та что на кухню
Видны там «кто-ты» с глазами звериными
И подкрадаются в сии минуты

«Когда мне бывало пятнадцать семнадцать...»

Когда мне бывало пятнадцать семнадцать
я часто невесту носил в уголке
и мне было мало кусаться смеяться
и мне было мало руки на плече

Чердак я любил своим зреньем и телом
Мы грелись здесь осенью было темно
Твоё что имелось под блузкой и юбкой
то всё для меня расцвело

Твоё что имелось то всё мне дрожало
Мне было тебя так роскошно так жаль
что мы потеряем что я не удержит
что Ваше взмахнёт и моё улетит

Красивая Таня зверок одинокий
Темноты лежат и бассейны молчат
Солома пушистая вид мой жестокий
В струе лунна света бутылка вина

Когда мне бывало гораздо моложе
то я и счастливый пожалуй что был
и я на чердак свой залазил с улыбкой

и девушку Таню туда подсадил

Дрожат мои ноги и в холодном поту они
О Таню я трусь и я Таню люблю
Потом на живот головою укладываюсь
и сплю и не сплю и сплю

Какая-то ветка большущей соломы
хрустела и мыши толкались в углах
и дивный был месяц в окне сухощавом
и дивный был месяц соломою пах

На крыше соседней какие-то люди
сидели в окошке наверное воры
огромная крыша под ними стучала
но очень немного. их тень. их носы

По краю печали взволнован всей жизнью
иду я теперь и я вижу опять
как Таня совместно со мною лежала
и надо ж мне было её потерять!..

«Последние лета огарки...»

Последние лета огарки
Листва. неприятные дни
И над головою довлеют
верхние потолки

К вечерней собаке привяжешь
верёвку и в двери иди
На корточках тихих тропинок
сидят папиросы одни

Продолжишь идти по окуркам
Увидишь окно в чердаке
Оно выделяется резко
живёт там больной в уголке

Ты крикнешь тихонько – Никола!
и тень заявила в стекле
Повязано тряпкою чéло
Висит поразительный нос

Тебе он нежен. беги
развей свои двое ноги
а он будет долго стоять
и всё о тебе разрешать.

«Лифтёрша Клевретова...»

Лифтёрша Клевретова
и член-корреспондент Парусинов
стояли в тёмном углу в паутине.

Следователь Пресловутов
и два сотрудника в зелёных шляпах
Выводили из лифта
человека и гражданина Добрякова тире Заботкина
который писал утопическую книгу.

Пенсионер Мерзавцев тире Костяшко
свесившись через красные перила
Кричал что это он вывел на чистую воду

Ребёнок Поздняков стоял с красным шаром в руке
Испуганно топорщил глаза и уши.

«Роза в семье родилась у евреев...»

Роза в семье родилась у евреев
Долго долго в семье жила
Евреи вечно ей говорили еле-еле
Серые зелёные паутинные еврейские слова

Роза вела себя так словно мальчик
Столько скакала и ела конфеты
Резко рукой шевелила портьеры
В малиновых складках сидела одна

Когда приходили она уходила
И только по носу её находили
Она отбивалась но делала молча
Она отбивалась хоть ей говорили

Она не хотела и на пол бросала
Всё что на столе в это время лежало
Конфеты и шапку цветы и мочалку
С картинками книжку и живую птицу

Когда ж уговором её доставали
То мясом кормили и яблок давали
Она же сидела они же с платочками
и кружевом тонким платочки комочками

И пальцы их длинны шкафы их сердиты
Их матовый свет на полу на столе
На кофтах поверху жилеты надеты
Барашек спускается вниз по полé

Роза в семье на рояле стучала
Её приходя каждый раз обучала
А был уже вечер а завтра суббота
У Розы передник повисился что-то

Родился у Розы к себе интерес
В середине груди её ходит процесс
Сидит она молча в подушках дивана
Весна переходит сквозь форточку. Рано.

Не включённое в сборник

Убийство

- Как это было, случилось
- Чуть-чуть надрез у щеки
- И всё и такая малость!
- Ноготь раздавил травинку
- Булавка уколола мясную стенку
- Вошла до конца в неё
- И оборвала жизнь
- Как это было, случилось?
- Вот так вот так
- Ой, что ты! Пусти! Неужели так?
- Да так именно
- Сердце прошло мимо меня
- Ох-ох! Какой страх!

«Мы в году пятидесятом...»

Мы в году пятидесятом

хоронили человека городом всем нашим

человек был акробатом акробатом павшим

всякий вечер он взбирался подымался залезал

по верёвке длинной... серой... серой... вверх... вверх.

вверх

жёлтый ждал его фонарь на верху верху

заходил он весь в фонарь и внизу был мокрый зритель

вот сторит наш акробат вот сейчас сторит

он усаживался в пламя и читал большую книгу

не горел

ну а книга вся трещала бешеным огнём

а ему рукоплескали так как нипочём...

дальше шёл он по канату... нату босиком

и летят его подошвы птичкиным крылом

вот-ы вот-ы вот-ы вот-ы он перебежал

а в пути по долгу службы шляпы он кидал

и ловил

но однажды это было помню как сейчас

побежал он по канату а огонь за ним

он не видит акробатик – сзади всё горит

ну а мы-то это видим – всякий – стой кричит

а куда ему деваться – оглянулся он

и попадали все шляпы в публику бегом

и попадал бедный бедный хлопнулся треща

и сломалась в его теле главная хряща

Мы в году пятидесятом

схоронили человека городом всем нашим

человек был акробатом акробатом павшим

«ОСНОВНЫЕ ПОЭМЫ»

Максимов

1

Максимов тихонько вздыхает
Сидит он один ввечеру
Какого-то балу желает
Чего-то такого внутри
Нет проку от старенькой книги
Где собраны всякие дни
Бывавшие раз у героев
Поскольку смертельны они

На хилой на тонкой кровати
Вечерняя бабушка спит
Живущая с внуком совместно
Во сне и губами дрожит
Максимов Максимов – печально
Что нет у тебя и друзей
И некуда вечером деться
Уехав со службы твоей

Тебе уже сорок и бабка
Наверно скоро умрёт
Она стала мягкой как тряпка
Она уже хватит живёт...

2

Максимов давно уж приметил
Соседки живущей повыше
Большие и чёрные. Крупные
Глаза родовые еврейские
Скопилось у Максимова столько
Что только б кому рассказать
Живущая кажется странной
Но её взгляд задержать
Ведь я не настолько красивый
И словом швырять не могу
Дарить ей что-либо не можно
И стыдно и трусость берёт...

3

Так тянется к женскому полу
любой молодой человек

а если он скромный и честный
то это ему тяжело...
прошло уже около года
и если б не случай. Тогда
прошло бы и два может года
но случай их свёл без труда

4

Максимова бабушку принял
В свои подземелья тот свет
Соседи по этому случаю
Купили венок и букет
Явились на кладбище многие
И шли оттуда толпой
Максимова все одобряли
И по плечу били рукой
И вдруг что-то мягкое гладит
И он повернуться спешит
И тут же ликует доволен
Она перед ним стоит
Не плачьте не надо слезинок
Случилась обычная смерть
И вы и мы все помираем
И я – много младшая вас!
пойдёмте пойдёмте скорее

Собой приминая сей снег
Я очень вам многое с вами
Я будто другой человек

5

она поднимает пальтишка
слепой и пустой воротник
берёт его под руку залпом
и вороны паре кричат
молчание длится дорогой
и виден их дом. Он пустой
уже начинает касаться
его цвет специально ночной...

6

Она предложила чтоб ужин
Справляли они у него
Вино вы имеете? Нет. Ну
Тогда я имею его
Несёт она тонкое тело
К бутылке себя прислонив
Пальтишко моё вы снимите

А двери вы лучше на ключ
Пальтишко её он снимает
Его на диван он кладёт
И видит её в чёрном платье
Которое по полу бьёт...
Гуляют внизу его складки
А сверху натянута ткань
Над грудью над плечью
Над спиной
И даже над животом
Вас так воротник освежает
Выглядываете вы как цветок
Так ей он дрожа сообщает
Ещё и головка набёк...

7

и ходят по чёрному стулу
отблески от лампы вверху
сидят они медленно рядом
из чашек выносят вино
немного придвинули стулья
она ему что говорит
ох как же я раньше не знала
что ты эдак рядом живёт
она его голову гладит

рукою одною своей
она ему галстук наладит
наладила... хочет свечей...

ах есть эти свечи. Есть свечи!
И тащит он их из угла
В котором старинные вещи
Где бабушка раньше жила
И гасится лампа глухая
И спичкою водит она
Свечу на конце опалая
Зажечь я сама их должна
От двух двух огней двух трещащих
Пойдёт тёплый маленький свет
Средь окон и тёмных и спящих
Замётится наше окно

8

они на диван пересели
и взяли с собою вино
я так одинок в этом мире
что даже мне больно сейчас
мне кажется что под рукою
исчезнет счас ваша рука
что это насмешка и шутка

сошла на меня чудака
но пусть это так в самом деле
и пусть ты уйдёшь через час
я страшно всё это запомню
предметы тебя и атлас
на платье мерцает он смутно
когда ты рукой поведёшь
мой милый дай я поцелую
какой ты печальный хорош...

9

но вот и тела их сомкнулись
и что ощутили они
Максимову запах пронёсся
От ней как от сладкой земли
Которая в ночь капитану
Едва показалась вдали
А запах её уже сильный
На палубу слоём легли...

10

Они целовались небыстро

С таким это знаете чувством
Как будто они перед смертью
А не после смерти чужой
Ну что там Максимову бабка
Она только близка по крови
А эта которая рядом
Близка по телам и душе...

Вся ночь продвигается сном
Гуляют тела эти рядом
А голой она была
Как мальчик мала и кругла...

11

Ах все свои сорок на службе
Приду нарукавник надену
В бумаги гляжу словно в стену
Бумаги сию разбираю
Уж лампы горят. Я домой
А дома мне так не на месте
И не было мне знаменито
Мне так знаменито на свете
Как в детстве я очень мечтал
И шла ненавистная служба
И время ненужное дома

И часто по воскресеньям
Я думал кому это нужно
И нате – ребёнок раздетый
Любимая женщина рядом
Иного полу тихонько
Заснула под моим взглядом...

12

вот так размышляя дó утра
Максимов не спал ничего
И сделалось утро большое
Она тихо спит хорошо
В окне он одевшись увидел
По чёрному ходу как улиц
Шли некие люди толпою
Работать на своё место
Никто не кричал и не плакал
И многие даже смеялись
Но большая часть молчаливо
Ногú приставляла к ноге
От всех отделялись домов
Такие как он же – Максимов
Моложе Максимова люди
И старше. Совсем старики

Зачем это дело свершают
Зачем никуда не бегут
Доверчиво день свой слагают
Под ноги под идола труд

Он день пожирает смеётся
Предчувствуя утром еду
И это его раздаётся
Труба. К ней и я отойду...

13

Он стал собираться невольно
Уже он одел и пальто
Как вспомнил события ночи
Увидел он платие то
Лежало на стуле хранило
Ещё наполнявшего тела черты
Так всё это подлинно было?!
Максимов? Куда идёшь ты?!
Нет! Нет! Хоть сегодня не надо
И он отрывает пальто
И он свои руки посмотрит
А сам говорит ни за что!..
Но вновь из окна наблюдая
Как движется чёрный народ

Он тихо пальто подбирает
И будто он к двери идёт...
Её вся фигурка под оным
Увиделась им по пути
Нет! Не хочу быть рабом!
Пора мне туда не идти!

14

и это сказавши он сразу
становится весел почти
считает он нищие деньги
решает за пищей идти
спускается с сумкой весёлый
А та что квартиру сдаёт
внизу его снова встречая
его и не узнаёт
Он младше. Глаза распахнулись
Чего ему в общем-то ждать
Однако такой перемены
На нём возникает печать...

15

купил и в квартиру вернулся
идёт и несёт молоко
подмышкою белые булки
и яблоки и колбаса
он что-то себе напевает
и мыслит авось проживу
какие-то мысли считает
и ключ в темноте отыскаёт
открыл свои двери волнуясь
сейчас он увидит её
должно уже встала красуясь
наверно стоит среди всё
но ах же какое ужасно!
Пусто среди стульев стола
И нету её на диване
Она уже где-то ушла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.